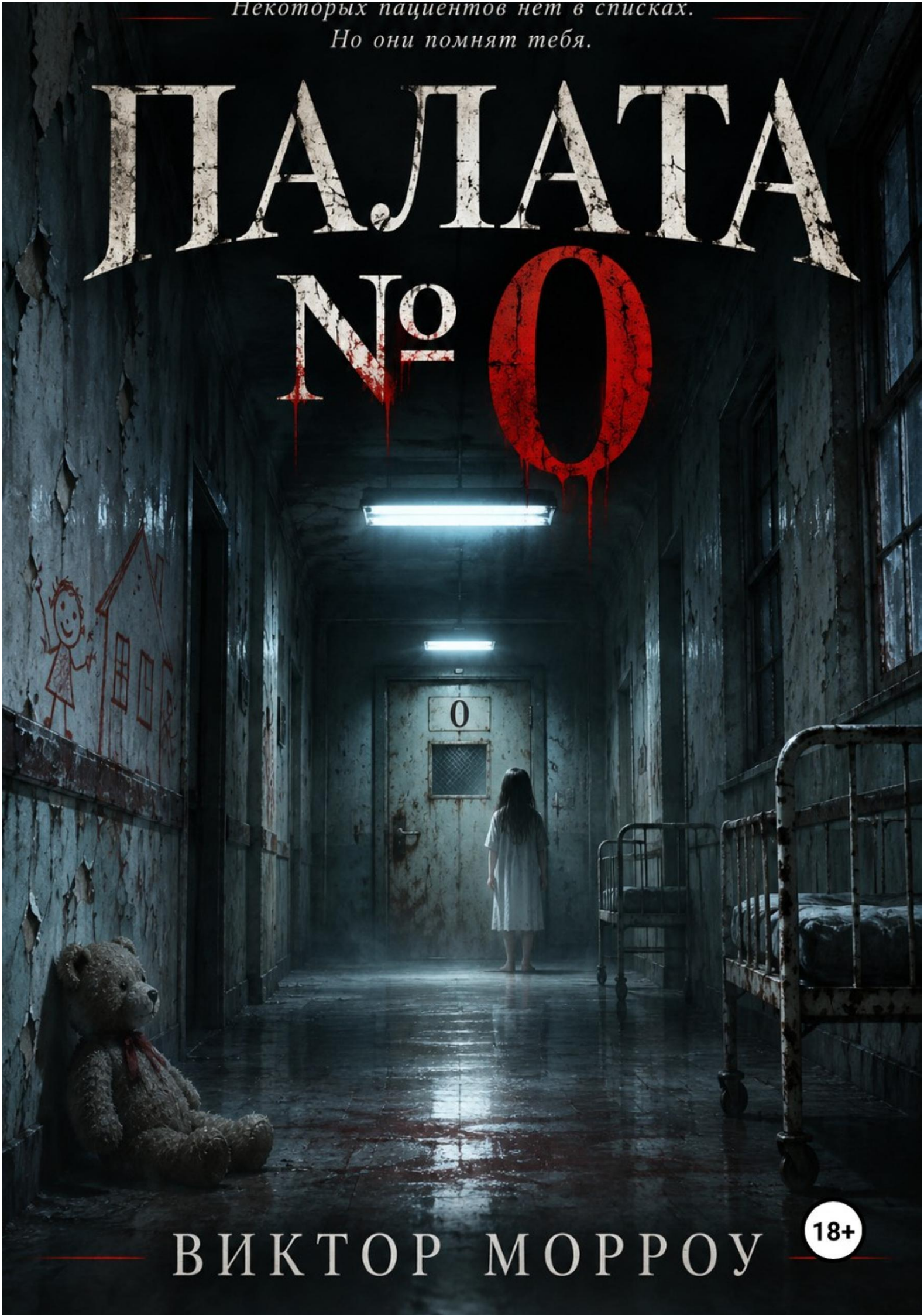
Некоторых пациентов нет в списках.
Но они помнят тебя.

ПАЛАТА №0

ВИКТОР МОРРОУ

18+

Виктор Морроу

Палата #0

«Автор»
2026

Морроу В.

Палата #0 / В. Морроу — «Автор», 2026

В 1998 году из детской психиатрической лечебницы в небольшом американском городке бесследно исчезли одиннадцать детей. Двери были заперты изнутри. Камеры наблюдения зафиксировали невозможное. А в больничных документах обнаружились записи о пациентке, которой никогда не существовало.Спустя двадцать восемь лет журналистка Эмили Картер получает старую фотографию и записку:*«Ты забыла нас. Но мы тебя помним».*Расследование приводит её в заброшенную лечебницу Блэквуда, где по ночам слышен детский смех, архивные документы меняются сами собой, а за стенами скрывается помещение, отсутствующее на всех планах здания.Палата 0.Здесь воспоминания страшнее смерти. Здесь исчезнувшие продолжают ждать. И маленькая девочка в белой ночной рубашке всё ещё ищет того, кто согласится остаться с ней навсегда.Эмили предстоит вспомнить то, что её разум старательно скрывал почти тридцать лет.Но что, если единственный способ спасти пропавших детей — занять их место?

© Морроу В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ НУЛЕВАЯ. ДО ТОГО, КАК ЗАКРЫЛИ ДВЕРИ 6
Сентябрьская проверка 6
Дети, которым нельзя задавать вопросов 8
Комната для тихих занятий 8
Ночная смена: маленькие привычки 10
Восьмое октября 12
ДОКУМЕНТ: СЛУЖЕБНОЕ СООБЩЕНИЕ, 8 ОКТЯБРЯ 1998 ГОДА 12
ПЕРВЫЙ ОБХОД 13
Последняя неделя 15
Неподписанное заявление 15
ДЕНЬ, КОГДА ЗАПЕРЛИ ВЫХОД 17
Магнитофонная лента № 14 19
Ночь перед закрытием 19
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВОЗВРАЩЕНИЕ 21
ГЛАВА 1. КОНВЕРТ 21
РАЗГОВОР С РЕДАКТОРОМ 21
До письма: неверная дверь 22
Документ, присланный без отправителя 24
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Виктор Морроу
Палата #0

ПАЛАТА № 0
Виктор Морроу
Редакция для независимой литературной вычитки · ноябрь 2026

ЧАСТЬ НУЛЕВАЯ. ДО ТОГО, КАК ЗАКРЫЛИ ДВЕРИ

Сентябрьская проверка

ДОКУМЕНТ 1911 ГОДА. НЕ ПОДЛЕЖИТ ВЫДАЧЕ

ОКРУГ ПЕНОБСКОТ. ОТДЕЛ ПОПЕЧЕНИЯ О НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ. 19 ноября 1911 года. Жалоба без регистрационного номера. «В приюте Уиткомб имеется помещение, куда детей отправляют за непослушание. Помещение не обозначено на утверждённой схеме. Девочка, которую воспитанники называют Элли, провела там более одной ночи. Сотрудница, опросившая детей, утверждает, что прежде сама работала в данной комнате; при этом не может назвать дату. Просим проверить наличие ключа и дублирующей двери». В нижнем углу стоит оттиск: ЗАЯВЛЕНИЕ ОТОЗВАНО.

Никто не запомнил, кто именно отозвал заявление. Через сто пятнадцать лет его копия окажется среди бумаг, которые Эмили Картер разложит на столе номера мотеля, не решаясь включить свет. Но в ноябре 1911-го молодая воспитательница Элизабет Уорд ещё верила, что достаточно сообщить о беде взрослым — и взрослые исправят её.

Она приехала в приют после смерти матери. Ей было двадцать два, она носила длинные серые юбки, закалывала волосы сзади одной шпилькой и говорила с детьми чуть тише, чем с начальством. Девочка у окна заметила эту привычку первой. Её звали Элли. По крайней мере, так Элизабет записала имя в своём блокноте.

— Вы не похожи на остальных, — сказала Элли, когда воспитательница принесла в спальню чистые одеяла.

— Разве? — Элизабет присела на край кровати и увидела, что девочка прячет за спиной сложенный листок.

— Вы смотрите на людей, когда они отвечают.

На листке была нарисована комната. Четыре стены, кровать, табурет и девочка, нарисованная со спины. Двери на рисунке не было.

— А как же она выходит? — спросила Элизабет.

Элли задумалась. Её тонкий палец прошёл по бумаге от кровати к пустой стене.

— Она ждёт, пока кто-нибудь вспомнит, что здесь дверь.

В тот вечер Элизабет впервые обнаружила комнату наказаний. Она прошла мимо прачечной и увидела дверную раму там, где утром стоял бельевой шкаф. За рамой пахло сыростью и холодной золой. Девочка сидела на кровати, отвернувшись к стене. Элизабет открыла рот, чтобы позвать Элли, и услышала из-за спины шёпот настоящей Элли:

— Не входите. Я здесь.

Элизабет обернулась. На площадке никого не было. Когда она снова посмотрела в комнату, кровать стояла пустой. На простыне осталась вмятина размером с маленькое тело.

Она написала заявление той же ночью. Утром заведующая, миссис Уиткомб, сухо ответила, что никакой комнаты наказаний не существует. А свою подпись под заявлением Элизабет так и не смогла опознать: она была похожа на её почерк, только буквы стояли слишком близко, будто писавший боялся не успеть.

Блэквуд, штат Мэн. 17 сентября 1998 года.

В холодное сентябрьское утро, когда за ночь поверхность воды в старой садовой бочке покрылась тонкой коркой льда после неожиданного заморозка, заведующая хозяйством Рут Беккер обнаружила в восточном крыле тринадцатую кровать. Это была обычная больничная кровать на высоких металлических ножках, с узкой подушкой и одеялом цвета разбавленного молока. Рут сорок три года вела инвентарные книги и не верила в предметы без инвентарных

номеров. Она провела пальцем по холодной перекладине, откинула простыню и увидела на матрасе отпечаток маленького тела. Кровать была застелена так аккуратно, что это оскорбляло её больше самого появления мебели: кто-то работал здесь ночью, не отметив часы в журнале.

В отделении содержались двенадцать детей. Счёт был простым: шесть девочек, шесть мальчиков, две спальни по шесть коек. Ни у одного ребёнка не было отдельной комнаты. Рут открыла шкаф, где лежали запасные подушки, и пересчитала стопку. Подушек не хватало одной. На нижней полке нашлась наволочка, завязанная на узел, а внутри неё — тридцать два аккуратно вырванных молочных зуба. Они были слишком маленькими для взрослого человека и слишком разными по форме для одного ребёнка. Рут постояла, глядя на узел, а потом снова завязала его. Про зубы она никому не рассказала.

В тот день в клинику приехал инспектор окружного департамента здравоохранения, мистер Кин. На нём было тёмное пальто, мокрое от мелкого дождя. Он спросил, почему в восточном крыле пахнет хлоркой, хотя помещения по документам не использовались. Доктор Уолтер Грей ответил, что старые трубы протекают и хозяйственная служба проводила дезинфекцию. Инспектор попросил ключи. В тот момент из-за закрытых дверей донёсся звон школьного колокольчика: три коротких удара, будто кто-то приглашал детей на урок. На лице Грея не дрогнул ни один мускул. Он только попросил Рут проводить мистера Кина в кабинет и приготовить кофе.

Инспектор прошёл по восточному крылу дважды. Во второй раз он задержался у голой стены, на которой штукатурка была светлее прямоугольником человеческого роста. Кин приложил к ней ладонь. С другой стороны кто-то приложил ладонь в ответ. Так, во всяком случае, он записал позднее в черновике отчёта, который не вошёл в официальный акт. Рут видела только, как мужчина быстро отнял руку, проверил часы и больше не задавал вопросов.

ДЕПАРТАМЕНТ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ОКРУГА ПЕНОБСКОТ. ЧЕРНОВОЙ ЛИСТ ПРОВЕРКИ № ВН-98-0917. «Учёт мест: 12. Фактически обнаружено: 13 кроватей. Помещение дополнительного места не установлено. Сведения требуют повторной проверки. В примечании ниже иной почерк: НЕ ПЕРЕСЧИТЫВАЙТЕ ПРИ ДЕТЯХ».

Вечером Рут отправилась в отделение с чистым бельём. Тринадцатой кровати больше не было. На полу остались четыре круглые вмятины от ножек. Она присела, чтобы разглядеть их, и услышала позади себя детский голос: «А вы мне простыню принесли?» Рут обернулась. В дверном проёме никого не было. На тележке лежало двенадцать комплектов белья. Сверху — сложенный тринадцатый, которого утром там не было. Его угол был ещё тёплым.

Дети, которым нельзя задавать вопросов

Комната для тихих занятий

3 октября 1998 года Мэри пришла раньше смены и застала в игровой необычайную тишину. Дети сидели за столами, перед каждым лежала раскрытая тетрадь. Джудит Клайн ходила вдоль рядов и собирала листы, не позволяя пациентам складывать их самостоятельно. На доске было написано: «Назови то, что тебя пугает. Нарисуй место, где оно исчезнет». Мэри уже видела подобные упражнения, но сегодня у всех детей на рисунках было одно и то же место: узкая комната с лампочкой под потолком.

— Это новое задание? — спросила она.

Джудит не сразу ответила. Молодая психолог выглядела измождённой: на белом халате возле кармана темнело кофейное пятно, волосы были собраны слишком туго, будто она пыталась удержать ими головную боль. Она осторожно перевернула рисунок Дэнни чистой стороной вверх.

— Грей считает, что общие образы укрепляют чувство безопасности.

— А ты?

— Я считаю, что это одна и та же комната. И что кто-то показал им её раньше нас.

Мэри подошла к Роуз. Девочка терла ластиком бумагу, пока не протёрла дырку. На месте двери оставался серый прямоугольник. Она прижала ладонь к рисунку, словно закрывала его от чужого взгляда.

— Не надо так сильно, — мягко сказала Мэри. — Можно взять другой лист.

— Тогда она будет с другой стороны, — ответила Роуз.

— Кто?

Роуз подняла на неё глаза. Слева над бровью у девочки была крошечная родинка; Мэри однажды заметила её, когда обрабатывала ссадину. Сейчас родинка казалась единственной неподвижной точкой на лице, где всё остальное дрожало.

— Та, которая ждёт, когда мы нарисуем ручку.

Мэри хотела спросить, что произойдёт после этого, но вспомнила, как Дэнни заткнул уши при похожем вопросе. Вместо этого она придвинула стул, взяла карандаш и дорисовала на листе Роуз окно. Через окно виднелось дерево с зелёными листьями, совершенно не похожее на октябрьские сосны Блэквуда.

Роуз посмотрела на окно недоверчиво. Потом провела по нему пальцем.

— Там не бывает деревьев, — сказала она. — Но я хотела бы, чтобы было.

Вечером Мэри нашла этот рисунок в своей сумке. Она не помнила, чтобы брала его. На обороте её собственным почерком было выведено: «Окна не помогают. Через них она видит, кто ещё остался». Мэри несколько раз перечитала фразу. Мэри не помнила, чтобы писала эти слова. Строчки были выведены неровно, словно её рукой двигал кто-то другой. Затем заметила тонкую царапину на бумаге — след от чужой руки, которая писала поверх листа, лежавшего на другом рисунке.

Она положила лист под стекло стола и принялась переписывать ночной список. Двенадцать имён. Двенадцать пациентов. Никакой Лили. Три раза пересчитала строки, пока буквы не начали расплываться. На четвёртый раз между именами Оливера и Эмили появилась пустая строка, аккуратно подчёркнутая красным карандашом.

Утром строка исчезла. Но красный след остался на промокательной бумаге, которую Мэри подкладывала под журнал.

ИЗ РАБОЧЕГО БЛОКНОТА ДЖУДИТ КЛАЙН, 3 ОКТЯБРЯ 1998 ГОДА. «Групповое внушение не объясняет одинаковых деталей при раздельных опросах. Пятеро детей указали на запах мокрой шерсти, трое — на звук металлической ложки о стакан, двое — на рукав платья, обожжённый у локтя. Общих рассказов об этих признаках в присутствии взрослых не выявлено. Предлагаю приостановить эксперимент. Доктор Грей отказался визировать рекомендацию».

Через два дня Мэри увидела, как доктор забирает из игровой все красные карандаши. Он не повышал голос, не объяснял причин, просто проходил между столами с картонной коробкой. Ной отдал свой последний. Эмми, стоявшая рядом, схватила его за запястье.

— А самолёт? — прошептала она.

Ной поколебался и вынул из кармана сложенную красную бумагу. Грей не заметил её: в этот момент в коридоре зазвенела ложка о стеклянный стакан. Звук повторился трижды. Доктор остановился, закрыл глаза и впервые показался Мэри не властным начальником, а старым человеком, которому некуда убежать.

— Отведите детей в спальни, — сказал он. — Немедленно.

По дороге Эмми дважды обернулась на пустую игровую. Когда Мэри спросила, что она увидела, девочка не ответила. Она потянулась на цыпочках и шепнула медсестре в ухо:

— Она не любит, когда у нас остаётся что-то своё.

ДВЕНАДЦАТЬ ИМЁН

Мэри Дойл каждое утро переписывала список детей от руки. Не потому, что этого требовали правила, — для учёта существовал компьютер в кабинете старшей медсестры, — а потому, что рукописный список позволял ей замечать перемены. В середине октября имена однажды поменялись местами, хотя порядок алфавита никто не трогал. Мэри скомкала лист, потом разгладила его и спрятала в карман халата.

Ной Миллер, девятилетний мальчик с тёмной непослушной чёлкой, по вечерам собирал из упаковочной бумаги самолёты. Один он выкрасил красным карандашом. Для Эмми, самой маленькой в отделении. Когда четыре года живёшь на свете, думала Мэри, обещание «поймаю, если упадёшь» должно звучать абсолютной истиной. Ной произнёс именно эти слова, подхватывая Эмми с невысокой тумбы в игровой, и девочка сразу ему поверила.

Софи Уильямс никогда не просила вторую порцию на ужин, хотя явно оставалась голодной. Она откладывала один кусочек хлеба на подоконник и говорила, что мама придёт позднее. В её истории мать погибла двумя годами раньше. Мэри не поправляла девочку. Иногда она замечала за стеклом мокрый отпечаток ладони — на третьем этаже, снаружи.

Дэнни Прайс, десяти лет, разыгрывал перед сном целые спектакли. Он изображал ведущего телевизионных новостей и сообщал о победе местной команды, о снегопаде, о внезапной смерти врача. Дети хохотали. 16 октября он назвал точный результат матча, который должен был состояться только через три дня. Мэри решила, что совпадение неприятно, но возможно. После смерти одного из санитаров от сердечного приступа ей пришлось признать, что совпадений стало слишком много.

Роуз Беннетт молча рисовала стены. Ей было восемь; она держала карандаш слишком сильно, до белых костяшек. На её рисунках дверь располагалась сначала за игровой, затем за лестницей, затем рядом с постом медсестры. Когда Мэри спросила, почему дверь движется, Роуз подняла на неё серые глаза и ответила:

— Это не дверь идёт к нам. Это мы подходим к ней.

Оливер Грант, одиннадцать лет, говорил мало. После гибели младшей сестры он почти перестал издавать звуки. Его одиночество было не тихим, а настороженным: он вслушивался в каждого проходящего взрослого и держал при себе пластмассовый жёлтый браслет, который прежде принадлежал сестре. Однажды Мэри услышала, как Оливер уговаривает кого-то в пустой ванной:

— Не притворяйся ею. Она так не смеялась.

Мэри медленно закрыла дверь ванной. Она не была трусихой. Но уже тогда ей пришло в голову, что правильный вопрос — не «кого видят дети?», а «что именно знает то, что приходит к ним?».

ЖУРНАЛ НОЧНЫХ НАБЛЮДЕНИЙ. BLACKWOOD CHILDREN'S PSYCHIATRIC CENTER, 18 октября 1998 года. «Пациент D.P. сообщил исход будущего спортивного события. Пациентка R.B. отказывается рисовать лица. Пациентка E.C. в 21:14 просила не считать присутствующих вслух. Общая тревожность группы повышена. Подпись: M. Doyle». Вторая строка, впечатанная позднее другим шрифтом: «Причина тревожности — недостаточная дисциплина персонала».

Ночная смена: маленькие привычки

Мэри Дойл узнавала детей по шагам. Дэнни бегал, даже если шёл за лекарством: его пятки стучали быстро, словно он всё время опаздывал. Софи двигалась бесшумно, придерживая рукав у запястья. Ной ходил медленно, нарочно подстраиваясь под тех, кто боялся коридора. А Эмми перед каждой дверью задерживалась на один вдох. Четырёхлетняя девочка не могла объяснить, зачем ей это нужно. Она только говорила: «Надо проверить, кто первый».

Вечером Мэри читала детям «Паутинку Шарлотты». На двадцать третьей странице Софи подняла руку.

— Ты пропустила строчку.

— Какую? — спросила Мэри, придерживая книгу пальцем.

— Где паучиха говорит, что нельзя оставлять маленьких одних.

Мэри перелистнула назад. Такой строчки не было. Софи не настаивала. Она осторожно взяла со стола печенье и разделила на две равные части. Одну съела. Вторую положила на подоконник.

В комнате пахло детским шампунем, разогретым молоком и остывшей батареей. Ничто не говорило об опасности. Именно это позже Мэри вспоминала с особенным отвращением: они сидели в хорошо освещённой комнате, смеялись над голосом, которым она изображала крысу, и кто-то невидимый уже изучал их привычки.

Когда пришло время ложиться, Эмми подбежала к Мэри, прижалась лбом к её бедру и прошептала:

— Не считай нас вслух.

— Почему, милая?

— Она не любит, когда получается неправильно.

Мэри присела на корточки. Эмми смотрела не на неё, а поверх её плеча. У девочки дрожала нижняя губа; правой рукой она сминала уголок ночной рубашки. Медсестра обняла её, почувствовала, как быстро бьётся маленькое сердце, и не обернулась. Позже она не могла вспомнить, почему.

В журнале дежурства Мэри написала: «Пациентка тревожна, возможна реакция на смену персонала». Она перечитала запись и добавила карандашом на полях: «Проверить, сколько у нас детей». Потом долго смотрела на эту фразу, стыдясь собственной глупости.

Мэри Дойл получила работу в Блэквуде только потому, что соглашалась на ночные смены. У неё была дочь-подросток и неоплаченные счета, а доктор Грей обещал повышенную ставку. Во время собеседования он спросил не о медицинском опыте, а о том, насколько хорошо она переносит детский плач. «Лучше других», — ответила Мэри. Позже она вспоминала, что Грей записал ответ карандашом, хотя остальные пометки делал ручкой.

Дети быстро привыкли к ней. Дэнни Прайс рисовал лошадей, но у каждой получалось шесть ног: он объяснял, что животное с четырьмя ногами не успеет убежать. Софи Уильямс

боялась зеркал и закрывала их полотенцами; Оливер Грант считал удары вентилятора, потому что, по его словам, после тридцать седьмого удара тот говорил человеческим голосом. Ной Миллер, худой и серьёзный девятилетний мальчик, знал наизусть расписание автобусов до Бангора и каждый понедельник спрашивал, когда ему позволят уехать. Маленькая Эмми Картер обычно не спрашивала ничего. Она держала на коленях плюшевого зайца с оторванным ухом и следила, чтобы к нему никто не прикасался.

Разговоры о Лили начались не одновременно. Сначала Софи оставила для неё место в очереди за соком. На следующий день Дэнни попросил два карандаша, потому что «Лили не любит пользоваться чужими». Через неделю пятеро детей утверждали, что ночью девочка играла с ними в прятки. Каждый называл разные детали её внешности. Для Оливера она была рыжей, для Софи — с тёмными прямыми волосами. Ной молчал, пока Грей не попросил его описать девочку отдельно от остальных. Тогда он сказал: «У неё лицо, которое ты ожидаешь увидеть». Доктор записал эту фразу почти дословно.

По пятницам детей собирали в комнате терапии. Стулья ставили кругом, а доктор предлагал каждому придумать место, где можно спрятать самое страшное воспоминание. В первый раз это казалось игрой. Дети говорили о кладовках, лесных норах, пустых чемоданах. Грей хвалил их и настойчиво возвращал разговор к комнате: без окон, без часов, с одной дверью. «А кто присмотрит за тем, что вы оставите?» — спрашивал он. Дэнни предположил, что сторож. Софи назвала мать. Эмми впервые за занятие подняла глаза: «Лили. Она никуда не уходит».

После этого Грей стал использовать имя в своих протоколах. Ассистентка доктора, психолог Джудит Клайн, возражала. Она отмечала, что дети не могли независимо выдумать одинаковую считалку и одинаковый запрет на число ноль. Грей называл это коллективным внушением. Джудит предложила временно прекратить занятия, но ей ответили, что прекращение эксперимента на этой стадии испортит наблюдения.

ВЫДЕРЖКА ИЗ РАБОЧЕЙ ТЕТРАДИ ДЖУДИТ КЛАЙН, 24 СЕНТЯБРЯ 1998 Г. «На вопрос “где она спит?” 7 из 12 пациентов указали восточную стену. На вопрос “где находится дверь?” ответы разошлись. Это указывает скорее на заученную историю, чем на общую галлюцинацию. Однако три пациента независимо упомянули запах мокрой бумаги. Этого стимула в комнате не было. Грей требует не упоминать девочку в отчёте для семьи».

Мэри заметила запах на следующей неделе. Бумага пахла так, будто её достали из затопленного подвала. Запах приходил из-за шкафа с развивающими играми, который давно стоял у восточной стены. Она отодвинула шкаф и увидела на штукатурке тонкую вертикальную трещину. У основания трещины лежала синяя заколка. На обороте заколки была выцарапана буква L. Мэри взяла её, чтобы передать в бюро находок, но почувствовала, как из трещины потянуло тёплым дыханием.

Восьмое октября

«Зафиксированы три устных сообщения сотрудников о незарегистрированном несовершеннолетнем лице в восточном крыле. Все трое дали несовпадающие описания внешности. При последующем опросе двое сотрудников заявили, что не помнят самого обращения. Третий уволился без уведомления. Сообщение направлено директору медицинской программы. Ответ не получен». Подпись М. Дойл. На копии красная отметка: ОШИБОЧНЫЙ ДОКУМЕНТ. УНИЧТОЖИТЬ.

ДОКУМЕНТ: СЛУЖЕБНОЕ СООБЩЕНИЕ, 8 ОКТЯБРЯ 1998 ГОДА

Мэри впервые подумала, что имя девочки не обязательно принадлежит самой девочке. Она закрыла шкаф с лекарствами, проверила замок дважды и всё равно не смогла уйти с работы вовремя.

— Тот, кто учится быть Лили.

Вечером Ной подошёл к ней и осторожно спросил, можно ли оставить свет включённым. Он показал детскую ладонь с тонкой царапиной на запястье. Мэри обработала царапину и спросила, кто его поцарапал. Ной долго изучал пальцы медсестры, прежде чем ответил:

К полудню Мэри составила записку старшей сестре. Она описала разговор с Софи, следы под столом, утреннее происшествие. Когда вернулась к документу после обеда, последняя строка была зачёркнута синими чернилами. Под ней появился комментарий: «Не фиксировать то, чему невозможно дать медицинское объяснение». Мэри знала собственный почерк. Этот почерк был её — только она не помнила, чтобы касалась страницы ручкой.

Во время завтрака Дэнни внезапно поднялся и сообщил, что сегодня во дворе будет падать дерево. Мэри попросила его сесть, но через десять минут санитар прибежал с улицы и сказал, что старый вяз рухнул на служебную парковку. На стоянке никто не пострадал. Мэри должна была успокоиться. Вместо этого она вспомнила маленького почтальона на ступенях, письмо, которого не было, и пустое место возле окна, куда дети один за другим ставили запасные стаканы.

Мэри заставила себя не оглядываться. Она протянула ладонь, помогая Софи выбраться, и заметила, что под столом кто-то выцарапал на линолеуме двенадцать маленьких черточек. Рядом, немного отдельно, находилась тринадцатая. Её краска ещё была влажной.

— Лили. Она так делала. Сначала всех звала по их настоящим именам, а потом давала им новые.

— Кто сказал?

— Нет. Она мне сказала, что если мама опять не придёт, можно взять другую.

— Ты заболела?

В игровой Мэри нашла Софи под столом. Девочка сидела на корточках, прижимая колени к груди. Вчера вечером она долго смеялась над шутками Дэнни; сегодня её лицо было неподвижным.

Внутри на посту лежала новая инструкция о недопустимости обсуждения воображаемых друзей пациентов. Мэри прочитала её дважды. Правила, написанные врачом, порой казались способом оградить детей от слухов. Но последние строчки поражали: при упоминании «дополнительного присутствующего» персоналу запрещалось называть точное количество пациентов вслух. Инициалы утверждающего — W.G.

— Я выбросил его, — сообщил он с внезапной злостью. — И не спрашивайте, где он теперь.

Мэри остановилась. Почтальон попытался улыбнуться, но выдавил из себя только короткий выдох. Он объяснил, что конверт был без марки, с обратным адресом больницы. На лицевой стороне — «Для Элли. Лично в руки». Он решил вернуть письмо отправителю. А когда повернул конверт, обратного адреса уже не было.

— Тогда скажите, почему во вторник мне велели оставить письмо для девочки, которая умерла в 1912-м?

— Третий год.

— Вы там работаете? — наконец спросил он.

Мэри пришла в отделение раньше, чем требовалось, чтобы успеть выпить кофе до начала суеты. За окнами стоял плотный сентябрьский туман, хотя календарь показывал октябрь. Здание будто всплывало из него постепенно: сперва красные кирпичи у входа, затем мокрая пожарная лестница, потом высокие окна третьего этажа. На нижних ступенях сидел почтальон и курил. Когда Мэри поздоровалась, он ответил не сразу, словно его внимание было занято чем-то в пустом окне.

ПЕРВЫЙ ОБХОД
Сорок семь минут

В восемь тридцать вечера исчез Дэнни Прайс. Это заметили не сразу. В игровой шёл мультфильм, Софи спорила с Ноем из-за одеяла, а в кухне перегорела лампа. Мэри обходила кровати с фонариком, когда увидела пустую подушку. В ней ещё сохранялось углубление от головы.

Они обыскали всё отделение. Томас проверил запасной выход, Мэри — душевые, кладовую, шкафы для белья. Один из санитаров поднял тревогу, но доктор Грей велел не звонить в полицию до окончания внутренней проверки. Он произнёс это сухо и спокойно, пригладив края своей серой манжеты. Мэри с удивлением заметила у него на руке след от детских ногтей.

Дэнни нашли в подсобном помещении, запертом снаружи на навесной замок. Мальчик лежал на полу между коробками с медицинскими перчатками. Он не плакал и не выглядел испуганным. Он был сердит.

— Я звал вас целую неделю, — сказал он, когда Мэри поднесла ему воду.

— Ты отсутствовал меньше часа, — ответила она.

Дэнни сделал глоток, поморщился и показал на бумажную упаковку перчаток. На обратной стороне коробки аккуратными карандашными линиями были отмечены семь восходов солнца. Рядом стояли маленькие неровные зарубки — по одной на каждый день.

— Лили говорила, что вы придёте, когда я научусь ждать, — прошептал он. — Я научился. Почему вы всё равно не приходили?

Его волосы доставали до воротника. Утром их подстригли машинкой, потому что Дэнни ненавидел, когда чёлка лезла в глаза. Мэри ещё помнила, как смахивала с его плеч короткие пряди. Теперь тёмные волосы загибались над ушами, и от этого мальчик казался чужим.

Томас потрогал замок. Металл был холодным и сухим. На двери не оказалось ни царапины.

Из служебной записи, составленной в 22:14: «Промежуток отсутствия пациента — 47 минут. Выраженных признаков обезвоживания нет. В связи с несоответствием объективного времени и показаний пациента рекомендовано наблюдение». Ниже, другим почерком: «На время отсутствия отключить все настенные часы».

К октябрю дети начали спать хуже, хотя седативные препараты им не назначали. В журналах отмечались одинаковые эпизоды: ребёнок просыпался в 3:17, садился на кровати и просил не гасить свет. Персонал объяснял это осенней сменой погоды. Мэри вела собственный блокнот. Там она записывала то, что запрещалось писать в официальных картах: имена, ска-

занные во сне; шаги за закрытой дверью; следы маленьких пальцев на внутренней стороне стекла, которое никто не мог достать.

Восьмого октября пропала Дэннина лошадь — рисунок на листе в клетку, прикреплённый к стене у его кровати. Вместо него висел другой рисунок: двенадцать детей стоят спиной к зрителю перед белой дверью, а над дверью написано кривыми цифрами «0». Мэри сняла лист, свернула и спрятала в карман. Дэнни расплакался. «Вы убрали её портрет, — сказал он. — Теперь Лили решит, что мы её не любим». Он не объяснил, почему на портрете нельзя было увидеть лица.

В тот же вечер Томас Рид, младший санитар, сопровождал двоих детей в медицинский кабинет. На площадке между этажами девочка Софи внезапно остановилась. Томас хотел взять её за руку, но она отступила: «Если я пойду дальше, мы встретим себя». Он расхохотался от неожиданности. Через несколько секунд на лестнице внизу прозвучал его собственный смех — точно такой же, с той же короткой хрипотцой в конце. Томас не рассказывал никому об этом до 2004 года. Он слишком хорошо помнил, что на лестнице внизу было темно, а шаги приближались снизу вверх.

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА № 41. РУКОВОДИТЕЛЮ СМЕНЫ. «Прошу проверить систему видеонаблюдения. На кассете с камеры восточного коридора зафиксировано движение персонала в 02:11, несмотря на подтверждённое отсутствие людей в здании данной зоны. Изображение сотрудника имеет сходство с санитаром Ридом, однако Рид находился на первом этаже и это подтверждается журналом выдачи ключей. Кассета изъята д-ром Греем».

Эмми перестала говорить с другими детьми после того, как Ной предупредил её не обещать ничего Лили. Они сидели за столом в игровой и выкладывали из пластмассовых букв названия городов. Ной составил БАНГОР. Эмми — ДОМ. В промежутке между ними появилась буква О, которой никто не касался. Затем ещё одна, пока слово не стало похоже на удивлённый открытый рот. «Она хочет выйти», — шепнул Ной. «Я знаю», — ответила Эмми. «Откуда?» Девочка прижала зайца к груди. «Она спросила меня первой».

В тот вечер Мэри подошла к Грею и настояла на прекращении занятий. Он выслушал её не перебивая. Затем открыл шкаф, достал толстую папку и показал подпись матери Эмми на согласии участвовать в программе. «Мы лечим этих детей от травмы, — произнёс он. — Не превращайте обычную детскую фантазию в религию». Мэри хотела возразить, но увидела в зеркальной дверце шкафа маленькую девочку в белой рубашке за его плечом. Она закрыла глаза. Когда открыла, там было лишь отражение настольной лампы. Доктор наблюдал за ней с выражением усталого любопытства.

Последняя неделя

Неподписанное заявление

21 октября Джудит Клайн принесла Мэри папку без названия. Они встретились в прачечной, где стиральные машины заглушали разговоры, а из круглого окна было видно только мокрую кирпичную стену. Джудит положила папку на металлическую крышку машины и прижала ладонью, чтобы та не съехала от вибрации.

— У меня есть копии, — сказала она. — Но оригиналы Грей заберёт к вечеру.

Мэри раскрыла папку. На первой странице стояла подпись доктора Грея под разрешением на клиническое наблюдение. Ниже значилось, что родители каждого пациента ознакомлены с программой. В приложении лежали формы согласия, отпечатанные одинаковым шрифтом. Подпись Маргарет Картер под одной из них казалась неровной и слишком крупной.

— Почему ты показываешь это мне?

— Потому что ты видела, как они живут. А я позволила себе думать о них как о данных.

Джудит вынула фотографию. Дети сидели полукругом на полу игровой. Между Ноем и Эмми оставалось свободное место, хотя на остальных снимках дети теснились плечом к плечу. С обратной стороны был приклеен маленький жёлтый стикер: «Не переписывать состав группы после 14:00».

— Кто написал?

— Я. Но я не помню зачем.

Мэри пролистала последние листы. Там были результаты тестов, даты ночных пробуждений, список симптомов. В графе «общая реакция» повторялись слова «отсутствует чувство завершения». Мэри не понимала, что это значит, пока Джудит не показала ей рисунок двери: на нём была прорисована ручка, но нигде не было петель.

— Я спросила Дэнни, как она открывается, — объяснила психолог. — Он сказал: «Она не открывается. Кто-то должен перестать её держать». А потом попросил больше никогда не повторять эти слова.

Стиральная машина остановилась. Неожиданная тишина заставила обеих вздрогнуть. Из соседнего помещения донёсся голос ребёнка, который не мог там находиться: прачечную запирали снаружи, а дети сейчас были на обеде.

— Мэри? — позвал голос Эмми. — Ты уже меня забыла?

Джудит побледнела. Мэри поднялась, но психолог схватила её за рукав.

— Не отвечай, — произнесла она так резко, что ногти вдавились сквозь ткань халата. — Если ты уверена, что это её голос, сначала найди её глазами.

Они вышли вместе, осмотрели сушильную комнату, коридор, кладовку с моющими средствами. Никого. На полу у закрытой двери лежала мокрая детская туфелька. Мэри узнала её: Эмми потеряла пару неделю назад, и обувь отправили на склад как негодную. Туфелька была тёплой, словно её только что сняли с ноги.

В тот вечер Джудит попыталась дозвониться до окружного отдела здравоохранения. На другом конце линии трижды попросили назвать учреждение. Когда она назвала Блэквуд, собеседник замолчал, затем сообщил, что по указанному адресу никакой лицензированной клиники нет. Джудит попросила соединить её с начальником смены, но женщина ответила:

— Вы не первая, кто сегодня утверждает, что звонит оттуда. Предыдущая сказала, что работает у вас медсестрой. Она плакала и спрашивала, где сейчас её дочь.

Мэри стояла рядом и слышала каждое слово. Её дочь в этот час должна была возвращаться домой из школьного оркестра. Мэри позвонила ей с поста: трубку сняли не сразу.

Девочка раздражённо сказала, что всё в порядке, и спросила, почему мать уже третий раз сегодня проверяет, дома ли она.

— Первый, — возразила Мэри.

— Мам, — сказала дочь устало, — ты звонила из больницы час назад. Ты сказала, что забыла моё имя.

Мэри медленно поставила трубку на аппарат. Джудит смотрела на неё, не задавая вопросов.

Они договорились о простом: каждый вечер записывать на отдельном листе три факта, которые не смогут проверить в истории болезни. Любимая песня ребёнка. Цвет подарка, присланного из дома. То, как он называет человека, которому доверяет. Не диагноз, не наблюдение, не индекс — что-нибудь живое.

В 23:40 Мэри спрятала первые листы под деревянную доску в ящике поста. Она ещё не знала, что именно эти листы почти через тридцать лет позволят Эмили вспомнить нескольких детей по-настоящему, а не только по фамилиям в деле.

Через час в ящике появились дополнительные листы. На каждом было написано одно имя: «Лили». Бумага была старая, пожелтевшая по краям, как будто ждала там десятилетиями.

Она всё-таки позвонила мужу. Попросила забрать детей из школы и не приезжать за ней. Он спросил, что случилось. Мэри сказала, что любит их. Сама удивилась, как неестественно прозвучали эти слова.

Мэри вышла на улицу и простояла под дождём, пока не промокла до нитки. Если кто-то менял документы, у этого человека была причина скрывать происходящее. Если их меняла не человеческая рука — у Мэри не было ни слов, ни полномочий, ни достаточной храбрости, чтобы сообщить об этом кому-либо.

Вечером Мэри забрала из поста список пациентов. Она пересчитала имена и сверила с личными карточками. Двенадцать детей числились на 28 октября. Двенадцать, включая Эмили Картер. Её дежурный лист на завтра исчез. Когда она попыталась распечатать новый, терминал выдал сообщение: «Пациент Е.С. выписана». Дата выписки стояла на неделю позже текущего дня.

— Если кто-то предложит вам открыть дверь для ребёнка, сначала убедитесь, что он стоит с этой стороны.

Он не ответил. Взгляд его метнулся к дальнему концу коридора. Потом он приблизился и, почти не разжимая губ, произнёс:

— Доктор, в здании есть помещение, не внесённое в планы?

Мэри впервые за три года увидела, что Грей боится. Не детей, не своих начальников. Чего-то, что слишком внимательно слушает их разговор.

— Дом для них — здесь. До тех пор, пока лечение не закончено.

— Я спросила их о доме.

— Вы должны прекратить поощрять фантазии о дополнительных детях, — сказал врач.

Мэри сохранила рисунки в папке. Она надеялась показать их независимому психологу. В тот день даже мысль о том, чтобы доверить документы незнакомцу, казалась облегчением. Но в коридоре её остановил доктор Грей. Он держал лист Ноя: сложенную пополам чистую бумагу.

Эмили посмотрела на Ноя. Он крошечным движением качнул головой, и девочка больше ничего не сказала.

— Лишнего кого?

— Чтобы не было лишнего.

— Что ты считаешь, милая? — спросила Мэри.

После обеда Мэри провела занятие с детьми. Она предложила нарисовать место, где им хорошо. Софи нарисовала кухню с жёлтыми занавесками. Роуз — крыльцо дома тёти. Дэнни — огромный стадион, где зрители аплодировали ему одному. Ной не рисовал. Он сложил лист

пополам и провёл по сгибу ногтем. Эмили, сидевшая рядом, шептала себе под нос числа. У неё дрожали губы.

Он не смотрел ей в глаза. Его руки были красными от холода, на левой щеке тянулся свежий порез. Мэри заметила, что на связке висит ключ с гладким стержнем без зубцов. Такой ключ не мог отпереть ни одну настоящую дверь. Охранник заметил её взгляд и быстро убрал связку.

— Значит, ничего не изменилось.

— Детям и так нельзя ходить без сопровождения, — сказала Мэри.

За несколько дней до исчезновения Мэри и Джудит впервые решили проверить то, о чём дети говорили шёпотом. Они встали по разные стороны восточного коридора и попросили Томаса записывать вслух всё, что он видит. По плану в конце коридора была глухая стена; на самом деле между шкафом и пожарным краном темнел дверной проём. Мэри описывала облупленную краску на косяке, Джудит — латунную ручку. Томас повторял их слова и чертил схему на обратной стороне бланка. Пока они говорили, проём оставался на месте.

Затем Томас замолчал: из отделения донёсся плач, и он оглянулся. Джудит шагнула к нему, забыв о двери. Мэри продолжала смотреть вперёд и увидела, как ручка сначала сделалась плоской, будто нарисованной, а затем исчезла вместе с косяком. На стене остался прямоугольник более светлой штукатурки. Мэри не стала объявлять это доказательством потустороннего: она заставила всех троих подписать схему, указать время и отдельно записать, кто первым отвёл взгляд.

Утром схема оказалась пустой, зато на копирке под листом сохранились три подписи и слова: «Мы видели одну дверь». Джудит спрятала копирку в конверт для лабораторных направлений. Спустя много лет Эмили обнаружит этот конверт и впервые поймёт, зачем Ной просит людей не только помнить имена, но и подтверждать воспоминания друг друга.

В больничном расписании четверг выглядел обыкновенно: арт-терапия, прогулка, два часа свободных игр. Но Мэри пришла и увидела на дверях детского отделения новые замки. Охранник объяснил, что после проверки безопасности руководство решило временно ограничить самостоятельное передвижение.

ДЕНЬ, КОГДА ЗАПЕРЛИ ВЫХОД

МЭРИ ПЫТАЕТСЯ УВЕЗТИ ДЕТЕЙ

В понедельник перед исчезновением Мэри позвонила в отдел лицензирования. Она сделала это из телефонной будки возле супермаркета, потому что в лечебнице внутренние звонки иногда начинались с детского смеха, даже если набирали городской номер. На другом конце ей назвали длинную процедуру подачи жалобы, попросили письменно изложить факты, назвать даты, сотрудников и свидетелей.

— А если дети в опасности сейчас? — Мэри вцепилась в трубку холодными пальцами.

— Вы можете обратиться в полицию, мэм.

Она обратилась. Дежурный офицер записал адрес и пообещал прислать патруль. Вечером у лечебницы действительно остановилась машина шерифа. Доктор Грей встретил офицера в холле, улыбаясь безупречно вежливой улыбкой, и через четверть часа тот уехал, не поднявшись в детское отделение.

Мэри смотрела на отъезжавшие фары из окна кухни. Ей было стыдно за собственное облегчение: если полиция не увидела причины вмешиваться, может быть, всё действительно объяснялось нервным истощением? У неё двое детей дома. Муж давно просил уволиться с ночных смен. Она представляла, как вернётся к ним, повесит халат в шкаф и сможет не знать, что происходит за этой дверью.

В половине одиннадцатого к ней пришёл Ной. Мальчик держал красный самолётик, сплюснутый от долгого сжимания.

— Вы говорили, что взрослые всегда открывают, — напомнил он.

— Какие двери, дорогой?

Ной посмотрел на неё с такой усталостью, которой не бывает у девятилетних.

— Те, за которыми плачут.

Они сидели на лестнице, пока сквозь бетон глухо постукивали трубы. Мэри спросила, почему он не спит. Ной рассказал, что прошлой ночью видел сон, будто Эмми исчезает в комнате без окон, а все забывают, как её зовут. Он трижды пытался нарисовать её лицо после пробуждения — и трижды получалась белая пустота.

Мэри обняла его за плечи. Мальчик не прижался к ней, как обычно делали дети. Он осторожно поднял её ладонь и приложил к своим волосам, как если бы показывал движение человеку, который не знал, как утешать.

На следующее утро Мэри собиралась вывести детей во двор под видом прогулки и передать патрулю записи. Она сложила копии в коричневую папку, спрятала под сиденьем машины и, засыпая дома, повторяла их имена. Двенадцать имён. Она ни разу не дошла до конца: каждый раз между одиннадцатым и двенадцатым кто-то произносил ещё одно.

Магнитофонная лента № 14

Накануне Хэллоуина Джудит Клайн работала допоздна. Она собиралась скопировать записи занятий и увезти их из клиники, потому что Грей уже дважды менял датировки сеансов. В подвале стоял старый копировальный магнитофон. Лампа над ним мерцала, а воздух пах нагретой изоляцией. Джудит перематывала плёнку, когда услышала детский голос, хотя наушники лежали рядом. «Не перематывайте меня назад», — сказал голос из динамика.

Она выключила питание. Лента продолжала двигаться. Сначала медленно, потом всё быстрее, пока катушка не стала почти прозрачной. Из динамика послышалось шипение, затем зазвучала запись сегодняшнего занятия, которого не проводили. Джудит услышала собственный голос: «Представь, что дверь открыта». Затем голос Эмми: «Я не хочу туда». Затем — слабый металлический скрежет, как будто ножку стула протащили по кафелю. Джудит вынула вилку из розетки, но магнитофон продолжал воспроизводить тишину, среди которой кто-то один раз, очень аккуратно, постучал в микрофон.

РАСШИФРОВКА АУДИОЗАПИСИ ВН-Т14, ВОССТАНОВЛЕННАЯ В 2011 Г. [00:00:08] КЛАЙН: Назови своё имя. [00:00:11] НЕУСТАНОВЛЕННЫЙ ДЕТСКИЙ ГОЛОС: Вы его записали неправильно. [00:00:17] КЛАЙН: Кто здесь? [00:00:20] ГОЛОС: Тот, кого не посчитали. [00:00:26] ШУМ, ПОДОБНЫЙ ПЕРЕДВИЖЕНИЮ МЕБЕЛИ. [00:00:41] КЛАЙН: Доктор Грей, откройте дверь. [00:00:43] ГОЛОС: Он никогда не открывает первым. [ОБОРОТ ЛЕНТЫ ПОВРЕЖДЁН].

Джудит выбежала из подвала без лент. В кабинете Грея горел свет. Он сидел в кресле у окна и смотрел во двор, где ветер гнал по асфальту сухие листья. «Она научилась говорить моим голосом», — сказала Джудит. Грей ответил: «Нет. Она научилась говорить тем, чего вы боитесь». Доктор не выглядел удивлённым. Джудит поняла, что он знает больше, чем сообщает. «Если вы не остановите опыт, я позвоню в департамент». Грей указал на телефон. Трубка лежала на месте, но из динамика доносились далёкие гудки. «Попробуйте», — сказал он.

Джудит набрала номер диспетчера. Ей ответили сразу. Женский голос спросил имя, адрес учреждения и количество пациентов. Когда Джудит произнесла «двенадцать», голос попросил пересчитать. Она произнесла число вновь. «Вы уверены?» — мягко уточнил диспетчер. Джудит бросила трубку. На стекле кабинета снаружи запотел маленький круг, будто к окну прижалось лицо ребёнка. Кабинет находился на втором этаже.

Ночь перед закрытием

Тридцатого октября Мэри попробовала забрать домой журнал наблюдений. Она спрятала тетрадь между термосом и рабочими перчатками, но у служебного выхода её остановил Грей. Доктор стоял под жёлтым фонарём, в пальто поверх рубашки, без шарфа, хотя температура упала почти до нуля.

— Вы нарушаете правила хранения медицинской документации, миссис Дойл.

— А вы нарушаете всё остальное.

Мэри сама удивилась своей смелости. Грей не повысил голос. Он медленно протянул руку, и от того, как естественно он ожидал повиновения, у неё свело челюсть.

— У вас есть дочь, — сказал он. — Ей шестнадцать, верно? Она ждёт вас дома.

Мэри сунула ему тетрадь. На последней странице была фотография, которую она тайком приклеила скотчем: дети за столом, один стул пуст. Передавая журнал, Мэри успела увидеть, как на снимке обернулась к камере девочка, сидевшая спиной. Она моргнула. На фотографии вновь был пустой стул.

Дома дочь спросила, почему у матери дрожат руки. Мэри ответила, что замёрзла. Она дважды проверила входную дверь, поставила чайник и записала на обороте квитанции: «Если я завтра скажу, что всё нормально, не верьте мне».

В половине четвёртого утра кто-то позвонил в домашний телефон. Сначала Мэри услышала дыхание, потом свой собственный голос, приглушённый, как через подушку:

— Не приходи на смену. Ты уже там.

Она посмотрела в кухонное окно. В стекле отражалась женщина в форме медсестры. Мэри была в домашнем халате. Она отступила, и отражение тоже отступило — но на секунду позже.

Неделей раньше Грей распорядился вывезти часть архивов. В грузовик погрузили шкафы с медицинскими картами, ящики с видеокассетами и старые книги приюта. Водитель расписался за двадцать один ящик, но на склад прибыло двадцать два. Последний не был опечатан. Внутри находились детские рисунки, на которых изображалась одна и та же комната с маленьким столом и дверью без ручки. Внизу каждого рисунка было написано одно слово — «ЖДИ».

Вечером 31 октября Мэри проверила окна и заметила, что дети не боятся темноты. Они боялись света. Софи спрятала голову под одеяло, когда включили ночник. Дэнни попросил закрыть щель под дверью полотенцем. Ной стоял у кровати Эмми, крепко сжимая её зайца. «Если увидишь дверь, не смотри на ручку, — говорил он. — Смотри на петли. Если петли с твоей стороны, это ещё выход». Эмми кивнула как взрослая, которой объясняют знакомые правила.

К полуночи начался ливень. Система вентиляции перестала работать; с крыши стекала вода, и стены дышали сыростью. Томас обнаружил в коридоре мокрые детские следы. Они начинались посреди пола и вели к стене восточного крыла. Он поставил у стены ведро, чтобы показать следы Мэри. Спустя несколько минут вода в ведре стала совершенно чёрной. Когда Томас наклонился, из гладкой поверхности на него посмотрело лицо мальчика, очень похожего на Ноя, только старше лет на двадцать.

ЛИСТ НОЧНОГО ОБХОДА. СМЕНА С 31 ОКТЯБРЯ НА 1 НОЯБРЯ 1998 Г. 22:00 — 12 ПАЦИЕНТОВ, ВСЕ В ПАЛАТАХ. 00:00 — 12 ПАЦИЕНТОВ. 01:00 — 12 ПАЦИЕНТОВ. 02:00 — 12 ПАЦИЕНТОВ. 03:00 — 12 ПАЦИЕНТОВ. СЛЕДУЮЩАЯ СТРОКА ВПИСАНА ПОВЕРХ ИСХОДНОЙ: «03:17 — НЕ ОТКРЫВАТЬ, ДАЖЕ ЕСЛИ ОНИ ПОПРОСЯТ». ПОДПИСЬ ОТСУТСТВУЕТ.

Первого ноября в 3:17, когда погас свет, Мэри уже знала, что увидит за дверью игровой. Она шла медленно, не потому, что ей было страшно, а потому, что впервые ясно понимала: в этом здании есть что-то, чего невозможно передать словами за пределами его стен. После пропажи первого ребёнка последовали остальные. Томас бросился к выходу, но на месте лестничной клетки обнаружил длинный белый коридор. Грей пришёл в игровую последним. Он не пытался остановить детей. На плёнке сохранился только звук его дыхания и короткая фраза: «Ты обещала взять меня первым».

На рассвете окружная полиция прибыла по вызову о нарушении электроснабжения. В отделении нашли пустые кровати, разбросанные игрушки и Мэри Дойл, сидящую перед голой стеной. На вопрос, где дети, она ответила: «Я не могу их пересчитать. Каждый раз выходит другое число». Когда полицейский попросил назвать её имя, медсестра зажмурилась и разрыдалась. Она действительно не смогла его вспомнить.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВОЗВРАЩЕНИЕ

ГЛАВА 1. КОНВЕРТ

РАЗГОВОР С РЕДАКТОРОМ

За неделю до отъезда Эмили встретилась с бывшим редактором. Никакой необходимости в этой встрече не было: её статьи уже сняли с публикации, доступ к рабочим архивам закрыли, а коллеги, прежде обедавшие с ней каждую пятницу, постепенно перестали отвечать на сообщения. Но ей хотелось услышать от живого человека объяснение. Чужое молчание было слишком похоже на то, что происходило вокруг Блэквуда.

Редактор Майкл Фишер выбрал место у окна в маленькой кофейне напротив станции. Он был высоким мужчиной с рано поседевшими волосами и привычкой теребить манжет рубашки, когда разговор становился неприятным. Едва сев, он попросил Эмили не записывать беседу.

— Это не интервью, — сказал он.

— Тогда почему ты назначил встречу?

— Потому что ты снова проверяешь людей, которых нельзя проверить.

Эмили почувствовала привычный прилив злости. Он возникал раньше страха, раньше жалости к себе, раньше желания уйти. За последние месяцы она научилась распознавать эту последовательность и больше не доверяла первому импульсу.

— Ты сказал, что я ошиблась в материале о приюте, — напомнила она. — Но источник существовал. Я разговаривала с ним дважды.

— Я не утверждаю, что ты выдумала человека.

— Ты утверждаешь именно это.

Майкл достал из портфеля два экземпляра одной статьи. На первом стояли комментарии редактора, на втором отсутствовал целый абзац с показаниями пожилой женщины. Эмили помнила этот абзац почти дословно. Она читала его на планёрке, спорила из-за формулировок, исправляла кавычки. Теперь в файле, сохранённом на редакционном сервере, этой женщины никогда не упоминали.

— Ты видишь? — спросила она.

— Я вижу, что в двух версиях текста разный объём.

— И тебя это не смущает?

Майкл отвёл глаза. На краю его чашки остался след помады; он не заметил, что взял чужой кофе.

— Смущает то, что в журнале изменений нет твоего имени, — сказал он. — И моего тоже. Мы оба помним совещание, но у него нет записи. Даже бронь переговорной исчезла.

Эмили впервые за несколько месяцев увидела на его лице не раздражение, а ту же растерянность, с которой сама просыпалась после сна о длинном коридоре.

— Почему не сказал мне раньше?

— Потому что не хотел давать тебе ещё один повод сомневаться во всём. Иногда людям нужна точка, на которой можно стоять.

Она покачала головой.

— Точка, которой нет, не становится надёжнее, если её не замечать.

Майкл медленно выдохнул и передал ей листок с адресом бывшей сотрудницы редакции. По его словам, женщина несколько лет занималась расследованием старых медицинских учреждений. Однажды она попросила его никогда не использовать в заголовках слово «ноль»

рядом с названием детского отделения. Он счёл это странной профессиональной приметой, пока Эмили не получила фотографию из Блэквуда.

— Если ты поедешь, — сказал Майкл, — не пытайся доказать всё одна. Хотя бы позвони кому-нибудь, прежде чем войдёшь туда.

Эмили положила листок в карман. Она хотела сказать что-то примирительное, но не нашла слов. Слишком долго они оба защищались от вопросов, которые не желали задавать.

На выходе Майкл окликнул её:

— Эмили. Если однажды ты пришлёшь мне статью, а я скажу, что никогда тебя не знал, не верь мне сразу.

Она обернулась. Его лицо было серьёзным. Он не пытался её успокоить.

Эти слова она вспоминала позже, в Блэквуде, когда исчезали файлы, а люди забывали собственные рассказы. Майкл не спас её и не объяснил тайну. Но он сделал то, чего она когда-то требовала от всех свидетелей: признал, что видит несоответствие, хотя оно не укладывается в привычную картину мира.

БОСТОН. ПРИВЫЧКА СЧИТАТЬ

За десять дней до письма Эмили Картер стояла в редакционной кухне с картонным стаканчиком кофе и считала присутствующих. Шесть человек у стола, двое возле холодильника, ещё один у двери. Девять. Она не знала, почему тревожится, когда получает нечётное число. В детстве это называлось привычкой, после двадцати — особенностью характера, а после тридцати двух стало поводом молча прятать глаза, если кто-нибудь замечал, как шевелятся её губы.

Главный редактор вызвал её после совещания. Её расследование о незаконном закрытии социальных учреждений оказалось хорошим, но один источник отозвал показания. Эмили отказалась выпускать текст без подтверждения, а руководство решило, что она подводит редакцию. Они говорили о стандартах, сроках и доверии. Она слышала другое: если доказательство исчезло, значит, ты ничего не видела.

На улице шёл мелкий дождь. Эмили села в машину и долго смотрела на отражение лица в боковом стекле. Светлые пряди выбились из собранных на затылке каштановых волос; возле переносицы обозначилась тонкая морщина, которую раньше она замечала только на фотографиях. Она выглядела человеком, который несколько ночей подряд плохо спал. Так и было.

Мать оставила три сообщения. В первом спрашивала, когда дочь приедет. Во втором жаловалась на больную спину. В третьем, почти шёпотом, произносила:

— Эмми, не слушай ничего, что тебе скажут про тот дом.

Эмили перезвонила. Маргарет ответила удивительно бодро и заявила, что никогда не отправляла третьего сообщения. «Наверное, перепутала запись с телевизором», — сказала она. Эмили поставила телефон на громкую связь и включила голосовое. В динамике зазвучали только треск и далёкие детские хлопки: три, пауза, три.

— Мам, ты это слышишь?

— Что именно, дорогая?

Эмили выключила запись. Ей вспомнился сон, который сопровождал её с детства: длинный коридор, холодный пол, мальчик, протягивающий сложенный из бумаги самолёт. Она не видела его лица, но каждое утро просыпалась с чувством, будто подвела человека, которого любила. Годами она называла это тревожностью и никогда не искала более точного слова.

До письма: неверная дверь

За три дня до получения конверта Эмили Картер проснулась в бостонской квартире от стука. Он доносился из коридора, три коротких удара, будто ребёнок пробовал достать до дверного полотна костяшками пальцев. Эмили села на кровати, провела ладонью по влажному лбу и прислушалась. За окном шуршали шины по мокрому асфальту. Стук повторился.

Она не сразу поняла, что смотрит на дверь спальни. Дверь была открыта. Так она всегда её оставляла — из практических соображений, чтобы ночью не споткнуться о кошачью переноску, хотя кошки у неё никогда не было.

Эмили включила свет. Коридор пустовал. На кухне мерцал индикатор кофеварки. Она заставила себя проверить замки, затем сняла с холодильника магнит с номером матери. Уже месяц они почти не разговаривали. После громкого расследования о поддельных благотворительных отчётах редакция отказалась от её материалов, а мать сказала по телефону, что иногда разумнее не искать правду, которая никому не нужна.

Утром Эмили увидела на двери спальни отметины. Три круглых грязноватых пятнышка на высоте детского лица. Она оттёрла их влажной салфеткой и отправилась к встрече с бывшим редактором.

— Ты не умеешь остановиться, — сказал тот, наблюдая, как она крутит крышку бумажного стакана. — Любую недоговорённость воспринимаешь как обвинение.

— Потому что иногда это и есть обвинение.

Он посмотрел на неё устало, без злости. Эмили хотелось, чтобы он закричал. Со злостью было бы легче спорить.

Вернувшись домой, она обнаружила, что дверь спальни закрыта. Внутри по полу тянулась узкая полоса сырости. На следующее утро почтальон принёс конверт без обратного адреса.

Документ, присланный без отправителя

ПОЧТОВАЯ ОПИСЬ. БОСТОН. 19 ОКТЯБРЯ 2026 Г. Отправитель отсутствует. Вложение: фотография 10×15 см, сложенная пополам копия медицинского журнала, ключ с круглым ушком. На конверте машинным штемпелем пропечатано: БЛЭКВУД. Дата отправления не читается. На полях рукой Эмили добавлено: «Ключ не был в конверте, когда я его вскрыла. Я точно помню».

Эмили положила ключ на кухонный стол и обошла квартиру, проверяя окна. Это было глупо, и она прекрасно это понимала. Конверт лежал на том же месте, куда она бросила его после работы; бумага на фотографиях пахла сыростью, но не настолько сильно, чтобы запах распространялся до прихожей. Тем не менее у неё возникло чувство, что кто-то побывал в квартире и не собирался причинять вреда. Этот кто-то лишь проверил, всё ли находится на привычных местах.

Она попыталась найти упоминания лечебницы в газетной базе. Первые поисковые результаты относились к заброшенным зданиям, подростковым экскурсиям и судебной тяжбе о продаже участка. Ни одной заметки о массовом исчезновении детей. Но при поиске по имени доктора Грея обнаружился платный архив журнала для психиатров. Статья 1997 года называлась «Влияние совместного нарратива на формирование устойчивого образа безопасности». Последнее предложение было подчёркнуто в сканированной копии, словно кто-то сделал это до оцифровки: «Человек не может бояться того, чему не дал имени». Эмили распечатала страницу. На обороте листа принтер вывел ещё одну строку, которой в файле не было: «А ЕСЛИ ИМЯ ДАЛИ ЕМУ?»

Бостон. 2026 год.

Эмили Картер не сразу открыла письмо. В нём не было ничего примечательного: серый конверт, её адрес, отпечатанный на старом матричном принтере, и почтовый штемпель маленького городка в штате Мэн. Но в тот день Эмили уже получила два письма от адвоката и одно — из редакции, с окончательным отказом восстановить её после скандала. Третье неприятное известие казалось излишним.

Она положила конверт возле остывшего кофе и ещё полчаса просматривала вакансии. Когда всё-таки вскрыла его ножом для бумаги, изнутри выпала фотография.

Двенадцать детей сидели на низкой скамье перед кирпичным зданием. На обороте стоял год: 1998. Лица были нечёткими, но крайняя слева девочка с короткой чёлкой была похожа на Эмили в детстве. Не просто похожа: на её левом запястье виднелся маленький шрам в форме запятой, который был у Эмили до сих пор.

Под фотографией лежала записка.

«Ты забыла нас. Но мы тебя помним».

Вместо подписи — две буквы: N. M.

Эмили подумала о чьей-то жестокой шутке. Затем ввела в поисковую строку название, напечатанное на уголке снимка: BLACKWOOD CHILDREN'S PSYCHIATRIC CENTER.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.